

которые, с его точки зрения, близки к христианству, но, достаточно последовательно, как апологет, отрицает учение Платона о «переселении душ», но соглашается с учением о бессмертии души и ее божественном достоинстве¹.

Апологеты II и III вв., как правило, в защите христианства прибегают к моральным аргументам, обвиняя языческих философов в безнравственности, в лицемерии, поскольку их принципы расходятся с их поступками, в гордыне и суесловии и противопоставляют им простоту, высокие моральные качества христианских деятелей. Защита перед властями, обоснование истинной веры и ее философско-этическое подкрепление, борьба с языческой философией и, одновременно, с ересями внутри христианства, особенно — с конкурирующими учениями (гностицизм, позднее — неоплатонизм), — таковы основные направления деятельности представителей как греческой, так и латинской патристики².

¹ Там же. С. 61.

² Л. П. Карсавин, как мне представляется, наиболее четко объяснил причину столкновения позиции гностиков (Василида и Валентина) и христианских апологетов: «Все крупные философские системы предхристианской эпохи и первых веков христианства ориентированы к этике и религии, наиболее глубокие из них носят определенно выраженный мистический и аскетический характер. С другой стороны, и всякое религиозное течение в эту эпоху завершается в мистико-философскую систему» (*Карсавин Л. П. Глубины сатанинские // Гностицизм. Киев, 1996. С. 195.*). Сказанное справедливо и по отношению к неоплатонизму (Плотин, Порфирий).

Говоря современным языком, гностицизм и неоплатонизм претендовали на ту же «нишу» в жизни римского общества, что и христианство. Но уложенная космология, трудность для восприятия (недаром Валентин говорил, что его учение рассчитано на «одного из тысячи»), отрицание какой бы то ни было ценности земной жизни, презрение к «низам», проповедь аристократизма духа, о чем свидетельствует деление людей на три разряда: плотские люди (в них реализуется только материальное начало), люди душевные (способные и к злу, и к добру благодаря душевному началу, полученному от демиурга), и люди духовные (духовное начало вложено Софией-Ахамот), которые — единственные! — обладают совершенным знанием и не нуждаются ни в вере, ни в делах. Им уготовано место в Пароде: добродетельным из числа душевных людей — «среднее место» (Царство Небесное), а «материальный мир с плотскими людьми и князем мира сего сатаною сгорит и обратится в ничто» (см.: *Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-на-Дону, 1997. С. 6.*)

Все это предопределило поражение гностицизма, о чем весьма образно сказал М. Э. Поснов: «Христианство стало той скалой, о которую разбился бурный поток гностицизма, растекаясь отдельными ручьями, чтобы постепенно затеряться в глубине веков» (*Поснов М. Э. Дохристианский гностицизм // Гностицизм. Киев, 1996.*)